

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРОВОДНИК ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИИ

Е. Е. Уразбаев^а

Э. Н. Ямалова^б

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

^б Башкирский государственный университет,
450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Поступила в редакцию 21.10.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4

© Уразбаев Е. Е., Ямалова Э. Н., 2020

Статья посвящена Народному фронту Латвии — массовому этнополитическому движению, деятельность которого обеспечила независимость современной Латвийской Республики. Цель авторов состоит в определении степени его влияния на становление этнического национализма, который, укоренившись в государственности и став основой политики идентичности, до сих пор способствует неравному положению групп в полиэтнической стране.

В статье выделяются и рассматриваются ключевые этапы развития Народного фронта Латвии, а также предпосылки его появления. Посредством контент-анализа программных документов исследуется изменение идеологических установок движения. Показывается, как изменение приоритетов в ходе борьбы за политическую и экономическую самостоятельность Латвии в 1988—1991 годах способствовало установлению недемократического политического режима. Отдельное внимание уделяется предложениям по принципам «восстановления» государственности и предоставления гражданства, решению национального вопроса. Делается акцент на обстоятельствах и причинах прекращения деятельности Народного фронта и его главных соперников, представляющих надэтническую оппозицию.

Утверждается, что Народный фронт Латвии создал условия для установления приоритета «титულიной» нации, а также исключения из политической жизни и лишения ряда прав около трети постоянного населения страны. Авторы приходят к выводу, что движение, фактически отойдя от демократических принципов в процессе трансформации, стало главным проводником институционализации этнического национализма.

Ключевые слова:

Латвийская Республика, Народный фронт Латвии, национализм, этнополитическое движение

Введение

Изучение современных стран Балтии представляет научный и практический интерес в связи с тем, что отношения с «нетитульными» этносами, проживающими на их территориях, при официальном декларировании либерально-демократических идеалов до сих пор строятся на принципах политического и социального неравенства. Особого внимания заслуживает институционализация национализма

Для цитирования: Уразбаев Е. Е., Ямалова Э. Н. Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 54—69. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4.

в Латвии, Литве и Эстонии, обеспеченная деятельностью массовых этнополитических движений, которые, заполучив власть, не только способствовали обретению странами Балтии независимости, но и заложили основы для становления политических режимов, характеризующихся экспертами как этнические демократии. По определению С. Смухи, подобные режимы отличаются формированием символов, законов и политики государств исключительно в интересах этнической нации, которая является большинством, а меньшинства при этом могут восприниматься как угроза [1]. Исследование указанной проблемы имеет значительный потенциал и может обеспечить развитие теориям национальных движений, методам исследования национализма, проблематике этнополитической мобилизации и встраивания национализма в государственную политику идентичности.

Этнополитические движения в советских прибалтийских республиках, в частности в Латвийской ССР, в первую очередь зародились благодаря одобренной «сверху» активности национальной интеллигенции, чьи идеи впоследствии распространились среди масс, а организации, получив поддержку на фоне либерализации и гласности, обрели влияние на политические процессы. Предпосылками для консолидации подобных движений стали кризисы советской системы, требования республиканских властей о расширении полномочий, рост протестных и сепаратистских настроений, дискуссии о пересмотре историй стран Балтии, появление неконтролируемых объединений по инициативе «снизу». Важным толчком как в Латвии, так и в Литве и Эстонии послужил официальный советский курс на перестройку — кардинальные реформы в целях совершенствования общественно-политического и экономического строя, провозглашаемые с 1985 года.

Приверженцами реформ стали «политические фронты» — гражданские, так называемые всенародные открытые объединения с собственными координационными органами и популярными политическими программами. Первоначально, с одной стороны, они олицетворяли оппозицию «старому коммунизму», борьбу против недостатков и проблем советской системы, с другой — выступали союзниками центральной власти во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и помогали контролировать социальные настроения, а также деятельность различных группировок и коллективов. «Народным фронтам» стран Балтии удалось мобилизовать общества, но конечной их целью стало отнюдь не реформирование СССР.

Различные аспекты становления массовых этнополитических движений в Латвии, Литве, Эстонии и формирования этноцентричных режимов в указанных странах рассмотрены и изучены в научных работах ряда авторов. Наиболее значимые для данной статьи современные публикации логично разделить на две группы. В первую входят работы, которые затрагивают вопросы возникновения, развития и деятельности этнополитических движений в странах Балтии, а также посвящены обстоятельствам их выхода из состава СССР. К ним относятся публикации В.И. Гущина [2], Р. Карклинса и Б. Зепы [3], С.М. Кинки [4], М. Лазды [5], А.К. Потапова [6], Р.Х. Симоняна [7], Ю.С. Ульяновой [8], Д. Эглитис [9] и т.д. Во вторую группу входят работы, в которых изучены особенности этнонациональной политики и проявления этнического национализма в странах Балтии с момента распада СССР. В их число входят труды Т. Агарина [10], В.В. Воротникова [11], М. Дакин [12], А.Р. Дюкова и В.В. Симиндея [13], В.И. Мусаева [14], В.А. Смирнова [15], А.Н. Сытина [16], А. Ческина [17]. Нельзя не отметить одну из наиболее заметных работ по этнополитическим проблемам Латвии, Литвы и Эстонии «Этническая политика в странах Балтии» [18].

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что при всем их множестве зачастую исследователи не останавливаются подробно на проблеме прямой зависимости политического развития Латвии, Литвы и Эстонии от трансформации этнополитических движений, обеспечивших им независимость.

Цель статьи — определить степень влияния движения на становление этнического национализма в современной Латвии. Для этого авторы решают следующие задачи: рассмотреть ключевые этапы развития массового этнополитического движения в Латвии после 1985 года; определить и сравнить его идеологические установки; охарактеризовать процесс трансформации и обозначить его роль в установлении этноцентричного политического режима.

Методология исследования

Авторы основываются на том, что национализм предстает политической идеологией и практикой, которые устремлены к установлению приоритета нации и формированию специфичной идентичности, выраженной в осмыслении и ощущении индивидами принадлежности к ней. При этом этнический национализм подразумевает доминирование определенной этнической группы, якобы обладающей первичным правом на государственность и территорию, над другими в политической и других сферах общественной жизни.

Изучение институционализации национализма в предлагаемом статье аспекте должно быть в первую очередь основано на теоретических принципах конструктивизма. Данный подход предполагает, что этничность, построенная на представлениях или вере в общую культуру и историю, выступает формой социального конструирования культурных различий и допускает воздействие политических акторов на процесс формирования наций и развитие национализма.

Аналитическую и информационную базу исследования составили научные работы по избранной теме, программные документы, материалы средств массовой информации. Для анализа идеологических установок этнополитического движения Латвии использовался метод сопоставительного качественного контент-анализа. Также при изучении развития и проявлений латышского национализма в работе применялся исторический метод.

Народный фронт Латвии на пути к реформам

Официальное появление «народных фронтов» в Латвии, Литве и Эстонии приходится на 1988 год, однако идеи об их создании обсуждались при участии представителей ЦК КПСС в течение нескольких лет после объявления союзным руководством реформ. Латвийские инициаторы объединения в массовое движение заявили о себе в июне 1988 года в ходе расширенного пленума творческих союзов, который был организован в Риге председателем Союза советских писателей Латвийской ССР, членом ЦК Коммунистической партии Латвии Я. Петерсом. Участие в мероприятии преимущественно принимали представители партийного руководства республики и интеллигенции, ставшей впоследствии основой Народного фронта Латвии (НФЛ) и воодушевленной выступлениями против советской власти [6, с. 38]. Так мероприятие деятелей искусства фактически стало площадкой для политических дискуссий о статусе латышского языка, демографической ситуации и миграции, легитимности вступления Латвии в состав СССР. При этом на пленуме главенствовала идея о необходимости массовой сопричастности перестройке «снизу» в целях обеспечения необратимости реформ. После его проведения сторонники НФЛ, к которым относились довольно разнородные группы поддержки, присоединились к оппозиционным публичным мероприятиям. В их повестках главным постепенно становился вопрос о самостоятельности республики. «Символическое восстановление нации было центральным элементом во время начального периода деятельности оппозиции. Хотя открытые политические требования все еще были рискованными и лишь немногие в оппозиции были готовы требовать полную наци-

ональную независимость, символические требования, связанные с охраной окружающей среды, или действия, обозначающие сталинскую массовую депортацию прибалтов, были важны потому, что они обнажили проблемы, которые, по общему мнению, являлись симптомами более крупной проблемы. Эта проблема — сам советский режим», — пишет исследователь Д. Эглитис, говоря об общественной активности в Латвии с 1986 года до решения о создании консолидировавшего оппозицию Народного фронта [9, р. 37].

Учредительный конгресс НФЛ прошел 8—9 октября 1988 года и собрал 1100 делегатов, представляющих, по разным оценкам, до 110 тыс. человек. Первым фактором такой популярности «фронтов», несомненно, является рост оппозиционных настроений и усиление антикоммунистической солидарности [3, р. 335], вторым — поддержка массовых народных движений, которые должны были стать «двигателями» перестройки, М.С. Горбачевым и его окружением. По заявлениям оппонентов НФЛ, с 1988 года консультированием представителей творческой интеллигенции и других групп перед учреждением организации занимались идеологи из ЦК КПСС, деятельность инициаторов негласно обеспечивалась органами государственной безопасности, им предоставили полный доступ в республиканские СМИ, а в первичные партийные организации направлялись директивы о формировании групп НФЛ¹. Можно допустить, что союзное руководство, действительно, рассчитывало с помощью «фронтов» ограничить влияние консервативной КПСС. Д.А. Лукашевич связывает активность движений с планами М.С. Горбачева и его сторонников по введению в СССР многопартийности. «М.С. Горбачев понимал, что КПСС уже перестает быть инструментом, с помощью которого он до этого проводил перестройку, теперь партия превращается в тормоз перестройки, угрожая политической целостности генсека, а значит, эту партию надо “обуздать”, а самому получить гарантию “необратимости перестройки”, заняв пост президента СССР», — отмечает исследователь [19, с. 48].

По итогам первого конгресса был избран состав руководящего органа Народного фронта — думы — из 100 человек и председатель, которым стал журналист Д. Иванс, были приняты устав политического движения [20, л. 200—207], программа [20, л. 207—224] и резолюции². Отметим, что основным информационным ресурсом НФЛ стала выходившая на латышском и русском языках газета *Atmoda*, название которой в переводе означает «пробуждение» и отсылает к пробуждению национального самосознания. Так же называют сам Народный фронт и этап прибалтийской «Поющей революции» в Латвии.

Главной целью НФЛ заявлялось «создание подлинного народовластия и демократического правового государства, расцвет экономики и культуры, урегулирование национальных проблем» [20, л. 200]. В соответствии с этим первая редакция программы НФЛ была посвящена вопросам роли и принципов общественно-политической организации, демократизации и подлинному народовластью, правам человека, национальным отношениям, культуре, этике, образованию и науке, социальной справедливости и гуманизации, экономике, экологии, здравоохранению и спорту. В наиболее радикальных пунктах документа озвучивалась борьба со сталинизмом, административно-бюрократической системой неосталинизма, централизацией. Предлагалось предоставить Латвийской Республике право вето по всем решениям, которые касаются ее интересов, и право самостоятельно вступать в отношения с международными организациями, исходя из этого поднималось требование о необходимости суверенитета. Как подчеркивалось в программе, «граждане

¹ «Ни слова о русских оккупантах». Депутат Верховного Совета Латвии Виктор Алкснис о крахе СССР // Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/25/alksnis1> (дата обращения: 13.09.2019).

² *Latvijas Tautas frontes dibināšanas kongress*. 1988. g. 8., 9. oktobris. Rezolūcijas // *Padomju Jaunatne*. 1988. g. 19. oktobrī.

Латвии должны быть хозяевами на своей земле и самостоятельно решать все вопросы» [20, л. 209]. Также было заявлено о необходимости создания независимого конституционного суда, обеспечения контроля, в том числе силами республиканской прокуратуры, разделения властей в республике, разграничения функций государства и партии. Этими положениями оспаривалась ведущая роль и политическая монополия КПСС, однако о необходимости конфронтации с правящей партией открыто не заявлялось, как и не говорилось о возможности выхода Латвии из состава СССР. Более того, все идеи и планы НФЛ декларировались как соответствующие установкам ленинизма, советской перестройки, принципам демократического социализма и гуманизма, а в итоговых резолюциях провозглашалась «смелая и неуклонная» поддержка курса КПСС на обновление.

Согласно программе, Народный фронт предложил реформировать законодательство о гражданстве, остановить иммиграцию и провести ревизию этнонациональной политики. НФЛ, призывающий к поиску объективной трактовки истории Латвии, там же потребовал признать, что включение республики в состав СССР было проведено с применением силы, а советская политика «национального нигилизма» стала причиной деформации и обострения национальных отношений, что вместе с миграцией якобы привело к потерям для латышей и других этносов. Как утверждалось в программе, «неконтролируемая миграция привела к тому, что латвийский народ впервые за всю свою историю становится на своей территории национальным меньшинством, его дальнейшее существование и государственность находятся под угрозой» [20, л. 213]. НФЛ был против выдворения «некоренных» жителей, но позиционировал приезжих из других советских республик как «жертв сталинской национальной политики», которым в случае добровольного желания латвийские власти должны были помочь вернуться на родину. Также Народный фронт осудил «механическое объединение национальностей», в первую очередь в школах и детских садах.

НФЛ озвучил требование закрепить латышский язык на официальном государственном уровне и поднял проблему представительства «титულიной» нации в советах республики, предлагая в качестве «гарантии самоопределения» обеспечить ей квоты при формировании составов законодательных и представительных органов власти. «НФЛ исходит из того, что латышский народ имеет в республике статус коренной нации, ибо Латвия является исторической территорией латышей, единственным местом в мире, где могут сохраняться и развиваться латышская нация, латышский язык и латышская культура» [20, л. 213], — пояснялось в программе. Вместе с этим поддерживались права на образовательную и культурную автономию любого национального меньшинства, что прежде всего должно было обеспечить лояльность со стороны русскоязычного населения и привлечь новых сторонников «фронта». «Нетитульные» этносы на тот момент составляли около половины населения республики. «НФЛ принимает активное участие в защите этнических интересов всех национальностей, проживающих в Латвии, их языка, культуры, образования и религиозного сознания и категорически отвергает разжигание национальной розни, “кормление и унижение национального достоинства любого жителя Латвийской ССР. Защита родного языка и родной культуры должна стать долгом каждого гражданина республики, независимо от его национальной принадлежности» [20, л. 213], — декларировалось в программе.

Таким образом, главными требованиями сторонников реформирования советской системы стали суверенитет и широкая республиканская автономия в рамках федеративной структуры. Будущее Латвии с точки зрения межнациональных отношений виделось в построении единого, полиэтнического государства при учете интересов большинства. Тем не менее фактически уже на этапе создания НФЛ была заложена основа для этнополитической мобилизации латышей путем апелляции к их «коренному» происхождению и «ущемленному» положению в годы советской власти.

Становление этнополитического движения

НФЛ сразу получил поддержку в рядах республиканского руководства, в то же время союзный центр терял идеологический и кадровый контроль над элитами Латвии. Идеи Народного фронта оказались близки части коммунистической номенклатуры — так называемым национальным кадрам. Более того, как полагает А.Н. Сытин, представители хозяйственного и партийного руководства прибалтийских республик в основном потворствовали «народным фронтам», пытаясь встроиться в популярные движения ради сохранения собственных позиций [16]. При этом противники движения из числа партийно-государственного аппарата обвинялись в получении выгоды из застоя и в создании провокационной атмосферы.

Одним из наиболее влиятельных сторонников НФЛ стал секретарь ЦК Коммунистической партии Латвии по вопросам идеологии А.В. Горбунов, избранный 6 октября 1988 года председателем президиума Верховного Совета Латвийской ССР. В этот же день он подписал постановление высшего органа государственной власти «О статусе латышского языка»³, по которому латышский признавался государственным языком на территории республики, а органам исполнительной власти поручалось проработать меры по его закреплению в Конституции, изучению в образовательных учреждениях всех уровней, использованию в официальной сфере. Постановление обосновывалось соответствием принципам ленинской национальной политики, резолюциям XIX Всесоюзной конференции КПСС, а также утверждением, что в Латвии ранее не уделялось достаточного внимания защите национальных ценностей, в том числе латышского языка. Русскому языку, согласно документу, была оставлена роль языка федеральных отношений, сохранялось право на его использование гражданами в общении и при обращении в органы государственной власти. Тем не менее первый шаг по установлению приоритета латышского языка расценивается как элемент институционализации этнического национализма в практическом аспекте [21].

Непосредственное представительство в органах власти НФЛ приобрел после своего первого электорального успеха, который пришелся на март — апрель 1989 года. Тогда по итогам выборов народных депутатов СССР в высший орган власти Союза попали 30 представителей Латвийского народного фронта, заявившего о стремлении к обновлению всего государства, политическому и экономическому суверенитету республики. Избиратели Латвии выбирали депутатов по 40 национально-территориальным и территориальным округам. Всего по 5 мандатов удалось получить Коммунистической партии Латвии и Интернациональному фронту трудящихся (Интерфронт). Важно подчеркнуть, что преимущество НФЛ было отчасти обеспечено за счет формирования границ избирательных округов, повлекшего непропорциональное представительство городского и сельского населения, «титულიной» нации и меньшинств [12, p. 17—18].

Весной-летом 1989 года НФЛ при подготовке ко второму конгрессу радикально пересмотрел свои предложения по дальнейшему общественно-политическому развитию Латвии. Тридцать первого мая правление думы опубликовало призыв к членам Народного фронта, в котором утверждалось о невозможности получения республикой суверенитета при нахождении в составе СССР и обосновывалось стремление к обретению политической и экономической независимости путем парламентской борьбы и преобразования структуры государственной власти. В первую очередь руководство НФЛ видело необходимость в изменении Конституции с целью отменить на территории Латвии главенство законов СССР, а также в приня-

³ *Latvijas PSR Augstākās padomes lēmums par latviešu valodas statusu*, URL: <http://www.vvk.lv/index.php?sadala=135&id=167> (дата обращения: 13.09.2019).

тии Верховным Советом Латвийской ССР декларации о суверенитете и законодательства об экономической самостоятельности. Призыв Народного фронта, скорее, следует связывать с окончательным разочарованием в перестройке [22, л. 5], однако последовательность дальнейших решений НФЛ дает основания предлагать о предварительной проработке сценария выхода из состава СССР его руководством.

Пятнадцатого июля 1989 года была принята «Идеологическая платформа НФЛ для консолидации латвийского населения разных национальностей...» [20, л. 261 — 262], в которой главной целью движения провозглашалось обретение демократической Латвией независимости. Основой суверенитета была названа латышская нация. Примечательно, что в документе при признании всех прав и свобод жителей республики, несмотря на их социальное положение, национальное происхождение или религиозные убеждения, предлагалось предоставлять гражданам только лицам, разделяющим идею о независимости и прожившим на территории Латвии не менее 10 лет до момента регистрации. С одной стороны, эта мера должна была остановить иммиграционный поток, но с другой — ее главным последствием стало бы ограничение в правах большей части русскоязычного населения, не желавшего покидать республику. Идея о введении ценза оседлости оказалась настолько спорной, что Народный фронт к осени 1989 года перестал настаивать на немедленном принятии нового законодательства о гражданстве [2, с. 19].

Однако в соответствии с призывом НФЛ созданию дополнительных условий для выхода из состава СССР способствовали другие нормативно-правовые акты, принятые Верховным Советом республики в 1989 года, включая декларацию «О государственном суверенитете Латвии»⁴. Документом провозглашалось, что Латвия должна стать преемницей независимой демократической республики, государственность которой строилась в 1917—1920 годы и суверенитет которой был утрачен в результате «криминальной внешней политики Сталина». Определился путь именно на «восстановление» государственности, как утверждалось, созданной во исполнение права латышского народа, сохранившего уникальность, язык и культуру, на своеобразное развитие и национальное самоопределение. Такой подход идеологически обосновывал новый курс [23]. Хотя в декларации и отмечалось, что самостоятельность народа Латвии гарантирует процветание латышской нации и всех остальных проживающих в ней этнических групп, она дала толчок официальному противодействию советскому наследию, выраженному в изменении интерпретации исторического прошлого. Это впоследствии напрямую коснулось этнонациональной политики, так как дальнейшее формирование оккупационной доктрины способствовало не только противоречиям, но и стало поводом для проведения дискриминационной политики в отношении национальных меньшинств. Следует также согласиться с позицией В.В. Воротникова, который отмечает, что миф об оккупации также способствовал конструированию образа извечного внешнеполитического врага в лице России, якобы проводящей имперскую и агрессивную политику в отношении малых народов, и оправданию курса на «возвращение в Европу» [11].

В октябре 1989 года состоялся второй конгресс НФЛ, в ходе которого движение окончательно отказалось от перестройки в пользу «национально-демократической революции» [8, с. 141]. К тому моменту Народный фронт объединял около 210 тыс. человек, представленных на конгрессе 1061 делегатом, абсолютное большинство которых составляли этнические латыши. По итогам мероприятия Д. Иванс сохранил за собой пост председателя НФЛ, был переизбран состав думы, а путь к «восстановлению» государственной независимости и устройству демократической парламентской республики с рыночной экономикой потребовал внесения изменений в основные документы организации.

⁴ *Latvijas PSR Augstākās padomes deklarācija par Latvijas valsts suverenitāti*. URL: http://www.saeima.lv/4maijs/docs/d_28julijs.htm (дата обращения: 15.09.2019).

Во второй редакции программы НФЛ появились разделы, посвященные политической системе и независимости Латвии, а также свободе совести и религии, экологии и демилитаризации⁵. Значимыми в документе стали положение, открыто отрицающее монопольное право КПСС на власть, диктат ее идеологии в общественной жизни, и инициатива Народного фронта по участию в предстоящих выборах в Верховный Совет Латвийской ССР в качестве самостоятельной политической силы.

В части решения национального вопроса НФЛ во второй редакции программы отстаивал права и свободы всех людей, независимо от их происхождения, принадлежности к социальным группам, убеждений и рода занятий. Народный фронт выступил за интеграцию в рамках исторически сложившейся многонациональной структуры общества, удовлетворение культурных потребностей всех этносов, отторжение образа врага в идеологии национальных отношений и высокомерия одной нации по отношению к другим, а также против шовинизма, антисемитизма, русофобии, национального протекционизма, нигилизма, имперского мышления. Согласно позиции, озвученной на конгрессе, независимость достигалась только путем демократизации [24, л. 116].

Немаловажными стали резолюции, принятые НФЛ по итогам второго конгресса. В контексте государственного строительства в них содержался призыв к властям республики признать нелегитимной декларацию о вступлении Латвии в СССР в 1940 году и факт аннексии республики. До этого момента, а также до разработки основы правового статуса «постоянного жителя Латвии» предлагалось не решать вопрос о предоставлении латвийского гражданства, что было «несовместимо с потерей статуса гражданина Латвийской Республики и должно происходить только во взаимосвязи с восстановлением государственной независимости»⁶. Позиция Народного фронта по вопросу гражданства не была однозначной, так как в его обновленной программе отсутствовали пункты о необходимости создания каких-либо условий для натурализации постоянных жителей страны. Согласно пункту 2.5, оно было обещано всем, кто «декларирует обрести гражданство Латвии и однозначно связывает свою судьбу с латвийским государством»⁷. Таким образом Народный фронт Латвии до выхода республики из состава СССР стремился поддерживать ожидания о демократической инклюзивности у русскоязычных и об этнической демократии у латышей [25, р. 18].

Отметим, что инклюзивные программные установки, заявленные движением, либо политические призывы его членов в 1988—1989 годах, дают основания некоторым западным исследователям относить его к гражданским и «трансэтническим», «транснациональным» объединениям. Такую точку зрения высказывает историк М. Лазда, предпринявшая попытку пересмотреть этнонационалистическую интерпретацию деятельности НФЛ [5]. Опираясь на публикации газеты *Atmoda*, состав Народного фронта, его международные взаимодействия, автор делает вывод, что движение было открыто для всех этнических групп, поддерживало создание ассоциации национальных и культурных автономий. М. Лазда считает, что «фронт» увязывал национализм «титულიной» нации с идеями интеграции, дистанцируясь при этом от политики советского интернационализма. Однако она признает, что гражданское и языковое законодательство, принятое впоследствии по инициативе Народного фронта, в том числе ради закрепления независимости Латвии, указывает на отступление от демократических идеалов. Более того, как отмечают другие иностранные исследователи, предпринятые меры были явными попытками содействовать эмиграции нелатышского населения [12, р. 34]. На наш взгляд, необходи-

⁵ *Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, Statūti, Rezolūcijas*. URL: <https://web.archive.org/web/20160120180136/http://www.tuvari.com/uploads/ltfii.pdf> (дата обращения: 15.09.2019).

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

мо учитывать трансформацию НФЛ. Так, уже к моменту подготовки к выборам в Верховный Совет Латвийской ССР⁸, которые состоялись в марте — апреле 1990 года, НФЛ из института гражданского общества [26, р. 113—114] превратился в сепаратистское этнополитическое движение, пользующееся поддержкой большей части населения республики и оказывающее значительное влияние на политические процессы в ней. Демократические установки в программе и заявлениях «фронта», действительно, все еще оставались в приоритете, но планы по их реализации утратили первенство.

Поворот к этнократии

После парламентских выборов коалиция во главе с НФЛ получила 131 мандат из 201 — антисистемная оппозиция стала правящей силой. Пост председателя Верховного Совета сохранил сторонник движения А. Горбунов. Д. Иванс стал вице-спикером парламента, а его заместитель на посту председателя «народного фронта» И. Годманис возглавил Совет министров республики. Часть ключевых позиций в правительстве также досталась членам НФЛ.

Четвертого мая 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР принял декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики»⁹. Документ был подготовлен НФЛ, за него проголосовало 138 депутатов, в основном представляющих «коренное» население, 1 — воздержался, а еще 57 депутатов отказались от участия в голосовании. Декларация провозгласила военным преступлением «агрессию» СССР в 1940 году, нелегитимность и антиконституционность советской власти и «восстановление» суверенитета Латвии, а также действия четырех статей Конституции республики, принятой в 1922 году, о независимости, власти, принадлежащей народу, территориальных границах, избрании Сейма. С указанного момента в стране наступил переходный период к фактической независимости. Для НФЛ путь к этому был осложнен нарастающим недовольством «нетитульных» этнических групп, отказом союзного центра поддерживать декларацию, принятую Верховным Советом республики, активизацией новой оппозиции, в том числе фракции «Равноправие» в парламенте, юридическими противоречиями, поскольку государству, несмотря на объявленный суверенитет, пришлось одновременно жить как по досоветским и советским законам, так и в соответствии с международными нормами, что формально было гарантировано гражданам при реализации экономических, культурных, социальных и политических прав. До сих пор с юридической точки зрения дискуссионным остается вопрос о компетенции Верховного Совета Латвийской ССР «восстанавливать» законы, включая устаревший основной закон государства, который был сразу отправлен на проработку в новой редакции. Однако стоит отметить, что республиканская Конституция в первую очередь была «возрождена» в символических целях, что подкрепляло официальную оккупационную доктрину.

Идеологические установки переходного периода были утверждены в ходе третьего конгресса НФЛ 6—7 октября 1990 года. На нем сменился председатель движения, которым был избран медик литовского происхождения Р. Ражукас, обсуждался вопрос подготовки новых лидеров «фронта» и «второго эшелона», призванного заменить ушедший в органы власти «первый». Перед ним, в свою очередь, была поставлена задача проработать план развития республики.

⁸ Из-за изменений в Конституции Латвийской ССР в январе 1990 года Коммунистическая партия лишилась особого статуса, а у граждан появилось право создавать независимые политические партии.

⁹ *Latvijas PSR Augstākās padomes deklarācija par Latvijas Republikas neatkarības atjaunošanu*. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=75539&mode=DOC> (дата обращения: 20.09.2019).

Значимым изменением стали принципиально новые акценты в программе¹⁰ — радикализация и открытая ориентация НФЛ на этнический национализм. За основу был принят курс на строительство не только демократической, но и «латышской Латвии», что подразумевало понимание нации исключительно в примордиальном аспекте и огосударствление национализма, который окончательно закрепил за собой роль главной идейной основы для солидарности и формирования идентичности [27, с. 92]. Согласно обновленной программе НФЛ, межнациональные отношения должны были соответствовать реализации права латышей на самоопределение. «НФЛ будет бороться за восстановление латышской нации в интересах ее возрождения и благополучия всех жителей Латвии... Латвийское государство особенно поддерживает экономическое и культурное развитие коренных народов Латвии — латышей и ливов — и способствует ему [24, л. 210]», — провозглашалось в документе. Отметим, что упоминание малочисленной ливской народности скорее несло символический смысл. При этом понятия «национальный» и «латышский» предлагалось уравнивать. «Фронт» же стал позиционироваться как главная организация, защищающая латышский народ, его существование и выживание [24, л. 206]. «НФЛ будет бороться за восстановление латышской нации в интересах ее возрождения и благополучия всех жителей Латвии», — провозглашалось программой.

Примечательно и то, что по итогам третьего конгресса НФЛ потребовал признать гражданство Латвии исключительно за лицами, которые являлись гражданами республики по состоянию на 17 июня 1940 года, а также их родственниками по прямой нисходящей линии. Этого добивались и объявленные председателем союзниками Народного фронта «комитеты граждан» и Движение за национальную независимость, с которыми ранее НФЛ публично не соглашался.

Неприятие новой оппозицией союзным центром, КПСС и, соответственно, Коммунистической партией Латвии планов и политических решений под эгидой НФЛ привело к двоевластию и обострению конфликтной ситуации. Фактически Латвия обрела независимость только в 1991 году: 21 августа республиканский Верховный Совет принял конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики»¹¹, ознаменовавший окончание переходного периода и возложивший на него всю полноту высшей власти до созыва Сейма; 24 августа указ «О признании государственной независимости Латвийской Республики» подписал президент РСФСР; 6 сентября ее признал Государственный Совет СССР.

Независимость Латвии усугубила неблагоприятные условия как для сторонников сохранения страны в составе СССР, так и для представителей «нетитульных» этносов, в лояльности которых сомневалась республиканская власть. Пятнадцатого октября 1991 года Верховный Совет, отказавшись от автоматического предоставления гражданства всем жителям республики, принял постановление «О восстановлении прав гражданства и основных условиях натурализации». Несмотря на то, что нормативная база по гражданству была разработана более чем через 3 года, сразу же после обретения независимости власти «демократической» Латвии в соответствии планам НФЛ и призывам националистов указанным решением поспособствовали лишению ряда прав около трети населения страны, преимущественно русских и русскоязычных жителей, переселившихся в республику с 1940 года, и их потомков [18, с. 72]. Таким образом, лишь 64 % населения смогли принимать участие в выборах и отстаивать свои интересы в политической сфере [28]. Эта проблема до сих пор не позволяет государству выйти на удовлетворительный уровень демократического развития [29].

¹⁰ *Latvijas Tautas fronte. III kongress. Programma. Statuti. Rezolucijas.* LTF. Rīga, 1990.

¹¹ *Latvijas Republikas konstitucionālais likums par Latvijas Republikas valstisko statusu.* URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 23.09.2019).

Отметим, что русскоязычное население в период выхода Латвии из СССР было разобщено и идеологически дезориентировано. Его часть изначально поддерживала коммунистическую власть, часть — реформы, Народный фронт и независимость республики, доверившись новой власти, которая не спешила афишировать планы по лишению прав «некоренных» граждан, но неразрывно ассоциировала их с наследием «советской оккупации» [14]. На пике позитивное либо нейтральное отношение к деятельности НФЛ было у более чем половины русскоязычного населения, что обеспечило относительно мирный путь Латвии к независимости [15]. Тем не менее антисистемная и надэтническая оппозиция появилась именно в ответ на формирование недостаточно инклюзивной политической системы [30] в попытках политической самоорганизации будущих «неграждан». Это наглядно свидетельствует о том, что Народный фронт не обеспечил реальную демократизацию, уничтожив советский авторитаризм, как считает ряд исследователей [4, с. 127].

Как указывалось выше, противодействие выходу из Советского Союза с октября 1988 года оказывал Интерфронт, некоторые участники которого после выборов в 1990 году входили в партию «Равноправие». Это общественно-политическое движение было основано этнически русскими коммунистами [16] после первых радикальных призывов представителей НФЛ в отношении национальных меньшинств и, по собственной оценке, насчитывало до 300 тыс. сторонников. Интерфронт Латвии, будучи не в силах блокировать решения НФЛ в Верховном Совете республики, приступил к массовым акциям, поднимая вопросы о государственном языке и правах «нетитульного» населения. Движение даже выходило с инициативой ввести чрезвычайное положение с прямым управлением из Москвы. Однако результатов это не принесло, и после признания независимости Латвии руководством СССР Интерфронт был запрещен вместе с Коммунистической партией. Их членам до сих пор официально отказывают в предоставлении латвийского гражданства, если они «действовали против республики» после 13 января 1991 года.

По итогам выборов в Сейм Латвии в июне 1993 года, на которых уже не могло проголосовать около 716 тыс. избирателей, из 100 мандатов 88 досталось этническим латышам. Для сравнения: в Верховном Совете «титულную» нацию представляли 139 человек из 201 члена парламента. При этом НФЛ, набрав по итогам голосования чуть более 2,6 % при 4 %-ном барьере, не попал в Сейм. Через 6 лет, после неудачных попыток стать политической партией Народный фронт принял решение о самоликвидации. Причин провала НФЛ на выборах 1993 года можно выделить несколько: отсутствие новых идей и конкретных программ, лишенных присущего движению популизма, когда суверенитет именовался «благодатью» и якобы должен был обеспечить решение всех проблем; внутренние противоречия и активизация новых партий, в ряды которых вступила часть членов «народного фронта»; нехватка навыков политического управления у лидеров организации; падение уровня популярности НФЛ среди населения и рост недоверия к движению со стороны «нетитульных» этносов; ликвидация ряда первичных отделений из-за утраты влияния Компартии и профсоюзов, изначально контролирующих процесс создания групп поддержки.

Победителем выборов в Сейм стала созданная в 1993 году правая партия «Латвийский путь», получившая 32,4 % голосов. Одним из ее основателей был сторонник НФЛ А. Горбунов, который в очередной раз возглавил парламент. Отметим, что второе место с результатом в 13,3 % получило преобразованное в партию «Движение за национальную независимость». Помимо ставших популярными националистических и правых партий в Сейме Латвии находилась партия «Равенство», которой досталось всего 7 мандатов. Она была создана на базе фракции «Равноправие», ранее имевшей в Верховном Совете 57 депутатов и представляющей интересы русскоязычного населения, бывших коммунистов и сторонников сохранения СССР.

Массовая антисистемная надэтническая оппозиция в Латвии прекратила деятельность по нескольким причинам: нелегальный статус ведущих организаций; отсутствие четкой программы и деморализация ее сторонников после распада СССР;

относительно низкий уровень межнациональной напряженности, в том числе из-за частичной поддержки русскоязычным населением независимости, возможности натурализации и отсутствия барьеров на бытовом уровне для части меньшинств. В условиях этнонациональной политики, направленной на создание привилегированного положения для «титულიной» нации, перед русскоязычным населением, не получившим гражданства, был поставлен выбор: ассимилироваться либо оставаться исключенными из политического процесса. С середины 1990-х годов численность «неграждан» сократилась более чем на 500 тыс. человек, и к 1 июля 2019 года они составили около 10,5% от всего населения¹².

Немногочисленные «русские» партии и иные организации пытались изменить сложившуюся ситуацию, защищая интересы и права общины, но, как правило, они встречали противодействие со стороны властей, а также не заручались ощутимой электоральной поддержкой. Остальные политические силы приняли «правила игры», установленные в свое время при помощи НФЛ, поэтому надэтнические по своим программам оппозиционные партии, выступающие за формирование гражданской нации, сложно отнести к антисистемным. Отметим, что, несмотря на фрагментированный и противоречивый характер идентичности русскоязычного общества, что выражено в недостаточной политической и территориальной консолидации на фоне единения вокруг культурных предпочтений [17], за годы независимости Латвии у него сложилась ориентация на партии преимущественно с левыми, социал-демократическими программами¹³.

Не ставя под сомнение реальные достижения в области демократического строительства в посткоммунистический период, нельзя не отметить, что случай современной Латвии из-за вопроса «неграждан» с точки зрения уровня развития демократии оценивается как наиболее проблемный среди стран Балтии. После объявления независимости ситуация менялась за счет сокращения доли дискриминируемого населения республики, но происходило это не путем интеграции «нетитульных» этносов, а путем ассимиляции либо миграции. На этом фоне этнический национализм остается политической программой элит и обеспечивает доступ к власти, ее ресурсам и ее удержание. Он стал идеологической основой конструирования нации и объединяет «титულიное» население. Сложившуюся ситуацию кардинально менять не намерены ни элиты, ни рядовые граждане-представители этнического большинства, поэтому в обозримый период изменение модели этнической демократии в сторону более совершенной не предполагается.

Заключение

В условиях объявленной руководством СССР политики перестройки на рубеже 1980—1990-х годов НФЛ как созданное для поддержки реформ общественно-политическое движение повел Латвию по пути к независимости. Народный фронт за короткое время трансформировался из позднесоветского института гражданского общества в сепаратистское этнополитическое движение, а затем стал ведущей политической силой. Не получив значительного сопротивления со стороны коммунистов и центральных органов власти, он инициировал «восстановление» суверенитета Латвии, что, в свою очередь, привело к размежеванию населения по линии этнического происхождения.

В ходе смены идеологических установок НФЛ, изначально рассчитывающий на поддержку в том числе национальных меньшинств, отошел от идеи соблюдения де-

¹² *Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde. Latvijas iedzīvotāju skaits pašvaldībās.* URL: https://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/ISPV_Pasvaldibas_iedzivotaju_skaits01072019.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

¹³ Ярким примером на сегодняшний день выступает оппозиционная партия «Согласие», занимающая первое место на парламентских выборах с 2011 года.

мократических прав и защиты интересов всех жителей республики. Он обеспечил этнополитическую мобилизацию латышей и заложил основу для исключения из политического процесса почти всех переселившихся в Латвию после ее вхождения в СССР русскоязычных граждан и их потомков.

Достигнув главной цели — государственной независимости, НФЛ не смог продолжать политическую деятельность и существовать в той системе, которую он же и создал. При этом сформированное НФЛ отношение к меньшинствам, подвергшимся впоследствии политической, социальной, экономической и культурной дискриминации, наряду с установлением приоритета «титულной» нации способствовало институционализации этнического национализма на официальном уровне и созданию специфичного политического режима, о демократическом направлении которого не позволяют судить как минимум ликвидация национального равноправия и отказ от всеобщего избирательного права.

Список литературы

1. *Smooha S.* The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // *Nations and Nationalism*. 2002. № 8 (4). P. 475—503.
2. *Гущин В.И.* Постсоветская Латвия — обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? Рига, 2013.
3. *Karklins R., Zepa B.* Political participation in Latvia 1987—2001 // *Journal of Baltic Studies*. 2001. Vol. 32, № 4. P. 334—346.
4. *Кинка С.М.* Политический успех прибалтийских народных фронтов по результатам выборов 1989—1990 годов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. № 6. С. 124—128.
5. *Lazda M.* Reconsidering Nationalism: The Baltic Case of Latvia in 1989 // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2009. Vol. 22, № 4. P. 517—536.
6. *Потапов А.К.* Политические изменения в республиках Прибалтики в 1985—1991 гг. как следствие влияния синергетических процессов // *Омский научный вестник*. 2013. № 5. С. 37—39.
7. *Симонян Р.Х.* Прибалтика в контексте распада СССР // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 98—108.
8. *Ульянова Ю.С.* Постсоветские «народные фронты» // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2009. № 1. С. 139—142.
9. *Eglitis D.S.* *Imagining the Nation: History, Modernity, and Revolution in Latvia*. University Park, Pennsylvania State University Press, 2002.
10. *Agarin T.* Extending the concept of ethnocracy: Exploring the debate in the Baltic context // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*. 2016. Vol. 8, № 3. P. 81—99.
11. *Воротников В.В.* Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 6 (33). С. 25—33.
12. *Dakin M.I.* *Nationalism and Democratization: The Case of Ethnic Russians in Newly Independent Latvia*. Washington, DC, 1992.
13. *Дюков А.Р., Симиндей В.В.* В плену у этнократии: о политической ангажированности латвийской официальной историографии // *Свободная мысль*. 2012. № 1/2 (1631). С. 188—204.
14. *Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «Русский вопрос» // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 176—191.
15. *Смирнов В.А.* Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // *Балтийский регион*. 2013. № 4 (18). С. 146—159. doi: 10.5922/2074-9848-2013-4-10.
16. *Сытин А.Н.* Балтия: двадцать лет независимости // *Свободная мысль*. 2010. № 12. С. 35—48.
17. *Cheskin A.* Identity and integration of Russian speakers in the Baltic states: a framework for analysis // *Ethnopolitics*. 2015. Vol. 14, № 1. P. 72—93.
18. *Этническая политика в странах Балтии* / отв. ред. В.В. Полищук, В.В. Степанов ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2013.
19. *Лукашевич Д.А.* *Юридический механизм разрушения СССР*. М., 2016.
20. *Vavarniece I.* *Latvijas Tautas fronte — gads pirmais*. Latvijas Tautas fronte, Riga, 1989.

21. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. № 6. С. 146—152.

22. Jundzis T. Latvijas neatkarības atjaunošanas dažādie ceļi: tiesiskais pamatojums un īstenošana (1989—1991) // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis «A» daļa (sociālās un humanitārās zinātnes). 2013. S. 67, № 1/2. L. 4—22.

23. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78—97. doi: 10/5922/2074-9848-2015-2-6.

24. Latvijas Tautas fronte 1988—1991: Veltījums Tresajai Atmodai un Latvijas tautas frontes dibināšanas desmitgadei. [sastādītājs J. Škapars]. Rīga: Apgads Jana seta, 1998. 399 lpp.

25. Budryte D. From Ethnic Fear to Pragmatic Inclusiveness? Political Community Building in the Baltic States (1988—2004) // Ethnicity Studies. 2011. № 1 (2). P. 14—41.

26. Mačiukaite-Žviniene S. Challenges for civil society: participation in the Baltic states region building // Viešoju Politika ir Administravimas. 2008. № 26. P. 113—121.

27. Баринов И.И. Траектории нацистроительства в странах Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 90—98.

28. Solska M. Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, № 6. P. 1089—1108.

29. Ямалова Э.Н. Качество демократии: понятие и проблемы измерения // Вопросы политологии. 2016. № 1. С. 38—44.

30. Ямалова Э.Н. Национальная политика в постсоветской Латвии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2015. № 4. С. 69—76.

Об авторах

Евгений Евгеньевич Уразбаев, кандидат политических наук, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

Эльвира Наилевна Ямалова, доктор политических наук, профессор, Башкирский государственный университет, Россия.

E-mail: yamalovaen@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2588-1871>

THE ETHNOPOLITICAL MOVEMENT AS A VEHICLE FOR NATIONALISM INSTITUTIONALISATION IN MODERN LATVIA

E. E. Urazbaev^a

E. N. Yamalova^b

^a Immanuel Kant Baltic Federal University,
14A Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

^b Bashkir State University,
32 Zaki Validi St., Republic of Bashkortostan, Ufa, 450076, Russia

Received 21 October 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-4

© Urazbaev E. E., Yamalova E. N., 2020

This article investigates the Popular Front of Latvia, a public ethnopolitical movement that substantially contributed to the independence of the modern Republic of Latvia. The study

aims to identify how much the movement influenced the development of ethnic nationalism, which has become essential to statehood and the identification of politics. It continues to reinforce group inequality in this multiethnic country. The article describes the background and main landmarks of the movement. Content analysis of manifestos has been carried out to trace changes in the Popular Front's ideological vision. It is shown that the shift in priorities that took place during the 1988–1991 struggle for Latvia's political and economic independence led to a non-democratic political regime. Particular attention is paid to the movement's proposals concerning the principles of statehood restoration and citizenship acquisition as well as to approaches to solving ethnic problems. The focus is on why and under what circumstances the Popular Front dissolved itself and the supra-ethnic opposition, its main rivals, left the political scene. It is argued that the Popular Front of Latvia created conditions both for the titular nation taking precedence over other ethnic groups and for the exclusion of one-third of the country's resident population from political life. It is concluded that, as the movement transformed and gradually abandoned its democratic principles, it became the main vehicle for the institutionalisation of ethnic nationalism in Latvia.

Keywords:

Republic of Latvia, Popular Front of Latvia, nationalism, ethnopolitical movement

References

1. Smooha, S. 2002, The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State, *Nations and Nationalism*, vol. 8, no. 4, p. 475–503.
2. Gushchin, V.I. 2013, *Postsovetskaya Latvija — obmanutaya strana. Pochemu NFL ne privel k demokratii?* [Post-Soviet Latvia is a deceived country. Why didn't the NFL lead to democracy?], Riga, 720 p. (in Russ.).
3. Karklins, R., Zepa, B. 2001, Political participation in Latvia 1987–2001, *Journal of Baltic Studies*, vol. 32, no. 4, p. 334–346.
4. Kinka, S.M. 2013, The political success of the Baltic Popular Fronts following the 1989–1990 election, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU Vestnik], no. 6, p. 124–128 (in Russ.).
5. Lazda, M. 2009, Reconsidering Nationalism: The Baltic Case of Latvia in 1989, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 22, no. 4, p. 517–536.
6. Potapov, A.K. 2013, Political changes in the republics of the Baltic states in 1985–1991 as a result of the influence of synergetic processes, *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Herald], no. 5, p. 37–39 (in Russ.).
7. Simonyan, R.H. 2014, Baltic States in the context of the collapse of the USSR, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 3, p. 98–108 (in Russ.).
8. Ulyanova, Yu.S. 2009, Post-Soviet “Popular Fronts”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvenno-gotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], no. 1, p. 139–142 (in Russ.).
9. Eglitis, D.S. 2002, *Imagining the Nation: History, Modernity, and Revolution in Latvia*, University Park, Pennsylvania State University Press, 265 pp.
10. Agarin, T. 2016, Extending the concept of ethnocracy: Exploring the debate in the Baltic context, *Cosmopolitan Civil Societies Journal*, vol. 8, no. 3, p. 81–99.
11. Vorotnikov, V.V. 2013, Baltic ethnocracy between Russia and Europe: the search for consensus in the context of the economic crisis, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (33), p. 25–33 (in Russ.).
12. Dakin, M.I. 1992, *Nationalism and Democratization: The Case of Ethnic Russians in Newly Independent Latvia*, Washington, DC, National Council for Soviet and East European Research.
13. Dyukov, A.R., Simindey, V.V. 2012, Captured by Ethnocracy: On the Political Engagement of Latvian Official Historiography, *Svobodnaya mysl'* [Free thought], no. 1/2 (1631), p. 188–204 (in Russ.).
14. Musaev, V.I. 2017, Independence of the Baltic States and the Russian Question, *Noveishaya istoriya Rossii* [The latest history of Russia], no. 2 (19), p. 176–191 (in Russ.).

15. Smirnov, V.A. 2013, The political elite recruitment in the Baltic: the role of the ethnic factor, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 105—115. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-10.
16. Sytin, A.N. 2010, Baltic: twenty years of independence, *Svobodnaya mysl'* [Free thought], no. 12, p. 35—48.
17. Cheskin, A. 2015, Identity and integration of Russian speakers in the Baltic states: a framework for analysis, *Ethnopolitics*, vol. 14, no. 1, p. 72—93.
18. Polishchuk, V.V., Stepanov, V.V. (Ex. eds) 2013, *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic States], Moscow, 407 p. (in Russ.).
19. Lukashovich, D.A. 2016, Yuridicheskii mekhanizm razrusheniya SSSR [The legal mechanism of the destruction of the USSR], Moscow, 520 p. (in Russ.).
20. Vaverniece, I. 1989, *Latvijas Tautas fronte — gads pirmais. Latvijas Tautas fronte*, Riga.
21. Urazbaev, E.E. 2017, Ethnonational policy in Latvia and Estonia in the context of the institutionalization of nationalism, *Vlast'* [Power], no. 6, p. 146—152 (in Russ.).
22. Jundzis, T. 2013, *Latvijas neatkarības atjaunošanas dažādie ceļi: tiesiskais pamatojums un īstenošana (1989—1991)*, *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis «A» daļa (sociālās un humanitārās zinātnes)*, no. 1/2, p. 67.
23. Smirnov, B.A. 2015, The Role of Political Elites in the Development of Politics of Memory in the Baltic States, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 58—72. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-6.
24. Škapars, J. (comp.) 1998, *Latvijas Tautas fronte 1988—1991: Veltījums Tresajai Atmodai un Latvijas tautas frontes dibināšanas desmitgadei*, Riga, Apgads Jana seta, 399 p.
25. Budryte, D. 2011, From Ethnic Fear to Pragmatic Inclusiveness? Political Community Building in the Baltic States (1988—2004), *Ethnicity Studies*, no. 1 (2), p. 14—41.
26. Mačiukaite-Žvinienė, S. 2008, Challenges for civil society: participation in the Baltic states region building, *Viešoji Politika ir Administravimas*, no. 26, p. 113—121.
27. Barinov, I.I. 2015, Nation-building trajectories in Eastern Europe, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 12, p. 90—98 (in Russ.).
28. Solska, M. 2011, Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania, *Europe-Asia Studies*, vol. 6, no. 6, p. 1089—1108.
29. Yamalova, E.N. 2016, The quality of democracy: concept and measurement problems, *Political Science Issues*, no. 1, p. 38—44 (in Russ.).
30. Yamalova, E.N. 2015, National politics in post-Soviet Latvia, *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Questions of national and federal relations], no. 4, p. 69—76 (in Russ.).

The authors

Dr Evgeny E. Urazbaev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

Prof. Elvira N. Yamalova, Bashkir State University, Russia.

E-mail: yamalovaen@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2588-1871>
